

Литературоведение

Научная статья

УДК 821.161.1 + 82.0

DOI 10.17223/18137083/78/4

Повесть Д. В. Григоровича «Неудавшаяся жизнь»: к вопросу о прагматике беллетристического текста

Алексей Евгеньевич Козлов

Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

Новосибирский государственный педагогический университет
Новосибирск, Россия

alexeykozlov54@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0016-9546>

Аннотация

Опубликованная в «Отечественных записках» повесть Д. В. Григоровича «Неудачи» (в поздних редакциях – «Неудавшаяся жизнь») традиционно рассматривалась в контексте повестей о художниках, проецируясь на быт рисовальных классов Академии художеств. В статье показано, что такая интерпретация, являясь ключевой, не может быть единственной. В истории открытия нового таланта, его восхождения и гибели можно увидеть сценарий, реализованный многими современниками Д. В. Григоровича, в частности Ф. М. Достоевским.

Статья подготовлена к 200-летию юбилею Григоровича, чье литературное наследие по-прежнему требует комментария и исследовательской рефлексии. В приложении представлено письмо Григоровича, адресованное издателю «Отечественных записок» А. А. Краевскому.

Ключевые слова

русская литература XIX века, Григорович, Достоевский, Краевский, повести о художниках, вторичность и альтернативность

Благодарности

Исследование выполнено в рамках реализации гранта Российского научного фонда № 21-78-00011

Для цитирования

Козлов А. Е. Повесть Д. В. Григоровича «Неудавшаяся жизнь»: к вопросу о прагматике беллетристического текста // Сибирский филологический журнал. 2022. № 1. С. 48–62. DOI 10.17223/18137083/78/4

© Козлов А. Е., 2022

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2022. № 1. С. 48–62

Siberian Journal of Philology, 2022, no. 1, pp. 48–62

“Failed life” by Dmitry Grigorovich: towards the pragmatics of the fictional text

Alexei E. Kozlov

Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

Novosibirsk State Pedagogical University
Novosibirsk, Russian Federation

alexeykozlov54@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0016-9546>

Abstract

In the early 1850s, political processes made the fiction of the journal “Otechestvennye Zapiski” change towards a compromise and numerous agreements between the author, the publisher, and the censor. One example is the story “Failures” (later “Failed life”) by Dmitry Grigorovich, which combines the techniques and ideas of the stories of Nikolai Gogol (“Portrait”) and Fyodor Dostoevsky (“Poor people,” “Weak heart,” “White nights”). In Russian literary criticism, this story is regarded as secondary and imitative, studied mainly in the context of other stories about artists projected onto the everyday life of the drawing classes of the Academy of Arts. This paper shows that while being the key view, such an interpretation cannot be the only one. When discovering a new talent, his ascent and death, one can see the scenario realized by many contemporaries of Grigorovich, notably by Fyodor Dostoevsky. Later, Grigorovich revised the story by changing idioms and narration style to give it a new title: “Failed life.” The revision pragmatics is obvious: “Failures” are more local, marking an episode or a chain of a person’s life (or a set of situations in the fiction plot). “Failed Life” echoes a global catastrophe, with its traces clearly seen in the text of “Literary memoirs” and the writer’s later epistolary.

This paper has been prepared for the 200th anniversary of Grigorovich, whose literary heritage still requires commentary and research reflection. The appendix provides a letter from Dmitry Grigorovich addressed to Andrew Kraevsky, the publisher of “Otechestvennye zapiski”.

Keywords

Russian literature of the XIX century, Grigorovich, Dostoevsky, Kraevsky, stories about artists, secondary and alternative

Acknowledgments

The research was funded by Russian Science Foundation (RSF), project number 21-78-00011

For citation

Kozlov A. E. “Failed life” by Dmitry Grigorovich: towards the pragmatics of the fictional text. *Siberian Journal of Philology*, 2022, no. 1, pp. 48–62. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/78/4

В 1850 г. в сентябрьском номере журнала «Отечественные записки» была опубликована повесть Д. В. Григоровича «Неудачи»¹. Название оправдало дальнейшую судьбу произведения: ни издатель, ни критика², ни сам писатель³ не по-

¹ Повесть цитируется по этому изданию (Григорович Д. В. Неудачи // Отечественные записки. 1850. № 9; Цензурное разрешение – 2 сентября 1850 г.) с указанием номера страницы в круглых скобках. Первоначально произведение должно было быть опубликовано в «Современнике», о чем, в частности, сообщало объявление 1849 г. [Степина, 1995].

² Например, критик «Москвитянина» признал повесть «бесспорно уступающей всем предшествовавшим произведениям г. Григоровича», сравнив «рассказ о всех подобных

считали эту «многострадальную повесть»⁴ сколько-нибудь состоявшейся. Свыше тридцати лет Григорович не возвращался к своему произведению. Тем не менее, работая над своими воспоминаниями и готовя собрание сочинений, он тщательно переработал исходный текст, удалив длинноты и избавив повесть от неприглядных «натуралистических» деталей. В последующих авторских редакциях повесть получила новое название – «Неудавшаяся жизнь».

В настоящей статье, отталкиваясь от прагматики названной правки, мы обратимся к изучению повести в контексте двух эпох: начала 1850-х гг. – времени «мрачного семилетия», и середины 1880-х гг. – времени, переживаемого стареющим беллетристом как значимый рубеж его литературной деятельности. Особую роль в этом изучении играет вопрос о специфике вторичных повествовательных моделей, связанных с проекцией «уровня автора на уровень героя» [Киселева, 2014], и множественности прототипов [Винокур, 1997].

Несмотря на накопленный опыт изучения беллетристики 1850-х гг. [Дмитренко, 2002; Печерская, 2010; Пономарева, 2017], оговоримся: анализ этого материала на уровне текстуальных структур, имманентно и в отрыве от контекста, не может дать удовлетворительного ответа, поскольку большинство печатаемой тогда «продукции» представляло серию сложных компромиссов, заключаемых между цензором, издателем и писателем [Бодрова, 2019]. Этот процесс хорошо изучен на материале журнала «Современник», беллетристики И. И. Панаева и вынужденного соавторства Н. А. Некрасова и А. Я. Панаевой [Евгеньев-Максимов, 1934; Проскурина, 1985; Макеев, 2009; Волошина, 2017]. Сходные процессы происходили и в «Отечественных записках»: вместо арестованных по делу петрашевцев А. Н. Плещеева и Ф. М. Достоевского на первый план вышли Е. Бернет, В. Р. Зотов, Н. Д. Ахшарумов, А. Я. Марченко, Н. Д. Хвоцинская и мн. др.⁵ Показательно, что, опубликовав «Дневник лишнего человека», И. С. Тургенев обратился в этот момент к комедии, отказавшись от эпического жанра в пользу более легкого, близкого к водевилю («Холостяк», «Провинциалка»).

бедствиях» с «анекдотом печального содержания», «которые годятся только для того, чтобы доставить случай поплакать охотникам до слёз, и позадуматься над тем, какие горестные бывают в жизни случаи» (Эдельсон, 1851, с. 143). В сентябрьском письме к Григоровичу издававший журнал М. П. Погодин упрекал своего адресата за задержку высылки «Светлого Христова Воскресения», пеня на то, что «Неудачи» уже напечатаны в «Отечественных записках» (ОР РНБ. Ф. 222. Ед. хр. 14).

³ После «Неудач» Григорович писал А. А. Краевскому о необходимости остановить свое «борзописание» и намерении создать произведение крупной повествовательной формы (ОР РНБ. Ф. 391. Ед. хр. 300). Им оказался роман «Проселочные дороги», также не принесший успеха своему создателю.

⁴ Так Григорович называет повесть в письмах к А. А. Краевскому (ОР РНБ. Ф. 391. Ед. хр. 300).

⁵ Критик «Современника» А. В. Дружинин иронизировал в обзорной статье: «Давно ли библиография и смесь того самого журнала, где ныне печатаются повести автора “Старого дома” была полна шуточками по поводу стихов г. Зотова, драм г. Зотова, недружелюбными разборами книжечек г. Зотова? И теперь романы того же самого г. Зотова наполняют осенние книжки того же журнала – осенние книжки, говорю я, ибо осенние книжки не то, что книжки за летние месяцы!» ([Дружинин А. В.], 1850, с. 203). Недоумение редакции «Современника» было связано и с появлением в мартовском номере «Отечественных записок» повести «Двойник», написанной, вероятно, «двойником господина Двойникова» [Козлов, 2017].

Как известно, Григорович, в равной мере сотрудничавший с «Современником», «Москвитянином» и «Отечественными записками», избежал политических преследований в 1849 г., однако из-за повестей «Деревня» и «Антон Горемыка» оказался в числе «заподозренных литераторов», чьи произведения вызывали однозначно негативную реакцию со стороны цензуры. «Неудачи», подобно «Коломенской розе» Зотова, представляли собой шаг в сторону нейтральной, не ангажированной социально литературы, наподобие «Театральной кареты», «Именин», «Соседки» и сравнительно недавно опубликованных им «Похождений Накатова». Судя по сохранившемуся письму А. А. Краевскому, Григорович рассматривал свое произведение как товар, рассчитывая на покупательские возможности своего адресата (а в случае отказа – думая поместить его в другом журнале, – вероятно всего, в «Современнике») ⁶.

В основе повести один из самых популярных в романтической и постромантической эстетике сюжет гибели таланта [Печерская, Никанорова, 2010; Богодерова, 2011; Акимова, 2015; Brunson, 2016; Зенкин, 2018], взятый в наиболее частотном варианте: сюжет «держится на драматическом положении человека, преданного живописи и в высокой степени способного к ней, но которого семейные обстоятельства принуждают бросить любимое занятие, расстаться со всеми мечтами о будущей славе и сделаться чиновником в каком-то уездном городке» (Эдельсон, 1851, с. 144). Хорошо знакомый с повседневной жизнью рисовальных классов Академии художеств, Григорович использовал этот опыт в детализированном и подробном описании быта начинающих художников [Мещеряков, 1985].

Экспозиция повести, и это отмечалось критикой, дословно реплицирует описание лавочки на Щукином дворе в «Портрете» Н. В. Гоголя, однако в дальнейшем повествовании мистико-фантастический фон, характерный для оригинала, и его высокий пафос проповеди полностью исключаются из текста ⁷. В то же время как усердный подражатель Гоголя Григорович учитывает не только композицию и фабулу, но и идеи своего предшественника, в повести «Портрет» поставившего под сомнение натуральное искусство. Это тем более знаменательно, что в конце 1840-х гг. проза Григоровича воспринималась исключительно в контексте очерка и дагерротипа, а его карикатурные портреты составили собирательный образ писателя «натуральной школы».

«Неудачи» маркируют перелом – попытку создать вариацию на хорошо известную тему, отказавшись от физиологического изображения действительности и реалистических тенденций, проводимых критикой «Современника». Вероятно, поэтому Григорович делегирует слова о ценности искусства, не сводимого к копии, своему протагонисту – бедному чиновнику Андрееву, мечтающему стать художником ⁸:

⁶ См. приложение.

⁷ В воспоминаниях Григорович признает: «...почти всё, что писалось в повествовательном роде, было отражением повестей Гоголя» (Григорович, 1987, с. 67). Не исключено поэтому, что посвящение В. И. Арнольди, которым сопровождалась журнальная публикация повести, связано с гоголевским контекстом. Отметим, что в поздней редакции это посвящение было снято.

⁸ Бедный чиновник Андреев также становится героем произведения «Часы», входящего в цикл «рассказов о житейских глупостях» (Современник. 1850). Под этим заголовком в журнале печатались в отделе «Смесь» коллективные сочинения И. А. Гончарова, А. В. Дружинина, Н. Станицкого (А. Я. Панаевой, Н. А. Некрасова), В. А. Соллогуба, И. И. Панаева и Д. В. Григоровича. Стилистика и схожесть фабульной ситуации рассказа,

– Живопись, по-моему, такое трудное искусство, – усовершенствование в нем достигается только такими усилиями, что нельзя жертвовать им для изображения безусловно всего того, что видишь в природе на каждом шагу или вычитываешь из книг. <...> Предметом живописи должно служить изображение одной только идеальной, поэтической стороны природы – таких красот, перед которыми бы в восторге останавливался зритель, чувствуя себя побежденным силой высокого, творческого воображения художника. Какое было бы тогда превосходство художника над толпой, что бы он значил, если б мог только передавать в полотне то, что каждый легко в состоянии себе представить (с. 26).

Оппонентом Андреева, в чьих словах узнается проповедь, прозвучавшая со страниц «Арабесок» и «Портрета», выступает модный художник Чибезов, чей портрет выполнен с рельефной и памфлетной гротескностью. В поведении этого художника, недавно вернувшегося из Италии, и в его хвастливой бравате прочитываются реплики Пирогова, Хлестакова и Ноздрева:

Представьте себе, братцы, небо, то есть чистейший кобальт! хоть бы на столько шифервейсу! (Чибезов положил на ноготь кусочек сургуча с пробки и пустил его по воздуху.) Мы ехали морем. В отдалении Неаполь... Мы все на палубе... Стоим, да просто плачем (он провел всей пятерней от глаз до подбородка) – черт знает, что делается, – не выдержать! А тут вдруг ветер с берега, просто фабрика духов, – весь воздух пахнет померанцами да лимонами; ведь там они круглый год в цвету, – чудо!.. А макароны-то, ребята, макароны! «Date un poco macaroni!» – навалит тебе на грош целую миску... А лазарони-то, – э, э, э, э! Пиферари, черт их подери, да и только! Лежит себе голый, черт его возьми, на песке, поглядит на залив, опустит руку в море, побарахтает в воде, вынет какой-нибудь frutto di mare, – устрицу или раковину, съест тут же, да опять поглядит на залив, – знать никого не хочет!.. Везувий, импровизаторы, – всё видел! Но поверите ли, всё это решительно бесхвостого черта не стоит перед Римом! О, Roma!.. и особенно для нашего брата художника! Ватикан, Петр, фонтаны... Что ни шагнул – наступил на Рафаэля да Микеланджело, – ей-богу! А женщины-то, братцы, римлянки-то! Высокая, стройная, – куда ни глянешь – красавица; бери палитру, пиши, – и великий человек, коли напишешь! (с. 27–28).

В этом макароническом описании впечатлений, выполненном в духе «Сенсаций и замечаний госпожи Курдюковой за границею дан л’этранже» И. П. Мятлева, профанируется романтическая идея служения искусству. Картины, создаваемые Чибезовым, предстают синонимом пошлости и обыденности, о чем и заявляет задетый за живое Андреев:

Нет, господин Чибезов! Картины, изображающие груди обнаженных женщин с перламутровой кожей, перепутанные драгоценными тканями и жемчугами, облитые неестественными лучами света, похожими на бенгальский огонь, недостойны кисти, точно так же, как изображение фраков, шлямов, париков, огня и дыма... Что в них? Они не производят благоде-

построенной на невозможности «слабого» артистического молодого человека противостоять среде и «спасти» возлюбленную, позволяет предположить в качестве основного автора Григоровича [Степина, 1995].

тельного впечатления, не доставляют того мирного, чистого, эстетического наслаждения, которое и составляет цель изящных искусств. Я, по крайней мере, всегда пройду мимо таких произведений и с любовью остановлюсь перед скромным пейзажем (с. 32).

Разумеется, в этом беглом перечислении ключевых деталей и эффектов узнается «Последний день Помпеи», в Чибезове – карикатурно изображенный Карл Брюллов⁹. В. П. Мещеряков, обратившийся к поиску прототипов, убедительно показал, что на страницах повести «появляются» и другие художники: М. А. Томаринский, Г. Ф. Шудан, Т. Г. Шевченко [Мещеряков, 1985]. Однако художественный текст практически всегда исключает прямую проекцию, давая возможность даже в самом фельетонном и памфлетном жанре соединить черты разных героев времени.

В связи с этим обратим внимание на то, что сюжетную фактуру «Неудач» организует повествование о жизни петербургских углов, выполненное в духе ранней прозы Ф. М. Достоевского. В истории любви Андреева и бедной девушки Кати прочитываются лейтмотивы «Бедных людей» (например, упоминание горшка с геранями на окне), в его противостоянии с начальником – аналогичная коллизия, реализованная в «Слабом сердце», а в описании вечерних и ночных прогулок – «Белые ночи». Присутствие приемов Достоевского в повести настолько рельефно, что весь текст может быть прочитан как попытка овладения не только техникой Гоголя (о чем Григорович сам писал в «Воспоминаниях»), но и Достоевского (о чем он предпочитал умалчивать). Нельзя исключать, что вслед за реализованным запросом на «Нового Гоголя» после событий 1849 г. – со стороны журнала или его сотрудников – возникает запрос на «Нового Достоевского».

Особого внимания в этом свете заслуживает история дебюта Андреева. Он – еще не написавший ни одной картины – показывает свои эскизы авторитетным критикам и опытным живописцам, которые берутся устроить его судьбу. Деятельное участие в устройстве его дел принимает живой, легкомысленный и энергичный Борисов, вынуждающий его показать картины опытному художнику Петровскому.

Андрееву было так легко на сердце, как еще никогда не бывало. Подобно одинокому, осиротелому ребенку, обласканному в первый раз, ему стоило много усилий, чтобы не броситься на шею новым своим приятелям.

⁹ Сложность и разноречивость портрета художника передается в воспоминаниях писателя: «Я был от Брюллова в экстазе и также мечтал попасть к нему в ученики, забывая, что к нему поступали только зрелые ученики, а я был только начинающий. Узнав, что Брюллов часто посещает вместе с учениками скромный ресторан в четвертой линии Васильевского острова, я сделался постоянным его посетителем, но, к огорчению моему, ни разу его там не нашел. Встречая в коридорах Академии Брюллова, всегда сопровождаемого учениками, я замирал, руки мои холодели, язык прилипал к гортани. Наружность его не имела, однако ж, ничего внушительного: он был маленького роста, толстый, с выдающимся животом, на коротеньких ножках; серые глазки его, окруженные припухшими красными веками, смотрели насмешливо; лоб его, совершенно прямой, отвесный, украшался белокурыми кудрями; он постоянно носил серую коротенькую жакетку, придававшую его круглой маленькой фигуре довольно комический вид; но таково уже было тогда настроение, что всё казалось в нем прекрасным, даже величественным; многие уверяли, что наружность Брюллова, особенно голова с ее кудрями, близко напоминает по своему характеру Зевеса Олимпийского» (Григорович, 1987, с. 88). В «Неудачах» с Зевсом сравнивается Петровский.

Он глядел на Петровского с каким-то восторженным напряжением, прислушиваясь к звуку его голоса, к шуму его шагов и готовый в эту минуту раскрыть перед ним весь запас своих чувств и верований. Надобно быть молодым, чтобы понять, сколько нежного, глубокого чувства пробуждается иногда в душе молодого человека, встретившего симпатичные порывы в людях, которые казались ему прежде недостижимыми, холодными и совершенно чуждыми. Сам Петровский, вообще несообщительный, серьезный, чувствовал себя почему-то свободным с Андреевым. В словах его было столько простоты и непринужденности, как будто обращались они к старому приятелю (с. 60).

Рискнем предположить, что в этом эпизоде происходит переход от стилизации к персонализации: совокупность приемов, описывающих жизнь Андреева в духе повестей Достоевского¹⁰, аккумулирует одно из самых драгоценных воспоминаний, объединяющих Достоевского и Григоровича, – встречу молодого писателя с Белинским¹¹. Знаменательно, что Петровский обнадеживает своего собеседника:

В таком случае, скажу вам, что у вас такой талант, какого еще мне не приводилось видеть! Да, – прибавил он, – какие бы ни были ваши обстоятельства, – смело жертвуйте всем для искусства, и, верно, ни вы, ни ваше семейство не останетесь в проигрыше... (с. 62).

Дальнейшие события разворачиваются с катастрофической быстротой: Андреев в течение короткого времени завоевывает расположение маститых членов Академии, получает серебряную медаль, чем вызывает недовольство и насмешки завистников¹². Но, прочитав письмо от любимой сестры, он отказывается от продолжения выбранного пути, отправляется в провинцию, где и «погибает», становясь чиновником на почте. Повесть заканчивается письмом Борисова, в котором тот, указывая на трагедию своего товарища, воздавал хвалы Обществу поддержки художников, которое он возглавил¹³. Таким образом, тривиальный сюжет о восхождении таланта в Петербурге и его гибели в глухой провинции предполагает наличие некоторых устойчивых и опознаваемых фабульных звеньев, связанных

¹⁰ Знаменательно и исчезновение Андреева, созвучное окказионализму Достоевского «стушеваться»: «Когда Петровский и Борисов обернулись к Андрееву, его уже не было. Испугавшись минутного своего увлечения (Андреев, по многим причинам, должен был подавлять в себе такие вспышки), он воспользовался всеобщей сумятицей, кинулся в комнаты, подобрал пальто и рисовальную книжку, сброшенную толпой, расплатился с хозяйкой и, полный еще тревожного волнения, направился быстрыми шагами к Крестовскому острову» (с. 36).

¹¹ Петровский, открывший новый талант, обещает набросать «физиологический очерк» встреченных приятелями художников.

¹² В «Воспоминаниях» Григорович активно сглаживает события прошлого, описывая происходящее с точки зрения «наивного наблюдателя», не вовлеченного в интриги и скандалы: «Стороною только доходили до меня слухи о том, что он требовал печатать “Бедных людей” особым шрифтом и окружить рамкой каждую страницу; я не присутствовал при этих разговорах и не знаю, справедливо это или нет; если и было что-нибудь похожее, тут, вероятно, не обошлось без преувеличения» (Григорович, 1987, с. 101), не соотнося явления и бытовавшие шутки, в действительности инициированные или подхваченные им или его окружением. (Здесь и далее в цитируемых текстах курсив наш. – А. К.)

¹³ Григорович стал секретарем этого общества в 1864 г.

с признанием творческой средой, закреплением в ней и вынужденным выходом за пределы этой среды.

Тем не менее, повесть оставляет вопросы, определяемые границами своего и чужого опыта. Здесь остановимся на странном сближении фабулы повести с эпизодом из «Воспоминаний» А. Г. Достоевской. Один из наиболее ярких моментов этих «Воспоминаний» составляет описание Достоевского-импровизатора, который разворачивает перед своей собеседницей свой замысел:

В новом романе было тоже суровое детство, ранняя потеря любимого отца, какие-то роковые обстоятельства (тяжкая болезнь), которые оторвали художника на десяток лет от жизни и любимого искусства. Тут было и возвращение к жизни (выздоровление художника), встреча с женщиной, которую он полюбил: муки, доставленные ему этою любовью, смерть жены и близких людей (*любимой сестры*), бедность, долги...

Душевное состояние героя, его одиночество, разочарование в близких людях, жажда новой жизни, потребность любить, страстное желание вновь найти счастье были так живо и талантливо обрисованы, что, видимо, были выстраданы самим автором, а не были одним лишь плодом его художественной фантазии.

На обрисовку своего героя Федор Михайлович не пожалел темных красок. По его словам, герой был преждевременно состарившийся человек, больной неизлечимой болезнью (паралич руки), хмурый, подозрительный; правда, с нежным сердцем, но не умеющий высказывать свои чувства; художник, может быть, и талантливый, но неудачник, не успевший ни разу в жизни воплотить свои идеи в тех формах, о которых мечтал, и этим всегда мучающийся (Достоевская, 1971, с. 107).

Разумеется, фабульные и лексические соответствия свидетельствуют о том, что романтический сюжет о гибели таланта, осмысляемый сквозь призму социального анализа, является ведущим сюжетом эпохи. Однако нельзя не учитывать того обстоятельства, что беллетристика «Отечественных записок» была хорошо известна Достоевскому, и, читая, «Неудачи», он мог опознать свой стиль¹⁴ и узнать себя в пылком и нервном протагонисте. Так, у блестящей импровизации появляется довольно опознаваемый литературный след.

Тем более странным оказывается замечание самого Григоровича, оставленное походя в его «Воспоминаниях»: «О моей жизни в Академии не стоит долго распространяться: то, что я из нее вынес, описано большею частью в давнишней моей повести “Неудавшаяся жизнь”» (Григорович, 1987, с. 67). Из большинства

¹⁴ Письмо сестры Андрееву, заставляющее вспомнить развязку «Бедных людей» и появление господина Быкова, во многих чертах отзывается в письме Пульхерии Александровны о Лужине: «Вот в чем дело: ты знаешь, что еще четыре года тому назад Иван Петрович Куницын (помнишь, тот самый, у которого три дома, – один еще такой хорошенький, на самом берегу реки) просил руки моей. Тогда я ребячилась и не хотела идти за него, не смотря, что тяжело было мне жить в собственном доме. Не думай, однако ж, чтоб и тогда был он мне очень не по сердцу, но в то время я была еще слишком молода и довольно было пятидесяти лет Куницына, чтобы я от него отказалась. Теперь я сужу иначе. К тому же я разузнала кое-что о нем: он человек добрый. Говорят, будто он скуп, – но что мне до этого, я не мотовка, не прихотлива, – ты это знаешь. Главное в том, что Иван Петрович обещает пристроить все наше семейство в случае, если я буду его женой. Я с радостью отдаю ему свою руку. Надо же когда-нибудь этим кончить» (с. 61).

мемуарных источников, составляющих своего рода летопись «замечательного десятилетия», мы можем узнать, что Григорович был частью богемы, столичным жуи́ром, который не сталкивался с проблемами «света и тени» и «самопожертвования», описанными в произведении. Став свидетелем катастрофы, постигшей его современников, Григорович, судя по его письмам и разрозненным записям в книжках, продолжал думать о том, чтобы завоевать прочное место в литературе, не повторить судьбу своего персонажа. Однако после 1864 г., не закончив роман «Два генерала», писатель надолго уйдет из литературы, вернувшись к беллетристике только в 1880-е гг. Здесь, подвизаясь на поприще «Нивы» и стараясь играть роль патриарха в кругу писателей чеховского круга, он в то же время признает, что «остался за штатом русской литературы» (Письма русских писателей к А. С. Суворину, 1927, с. 121). Так, присвоенный художественным текстом чужой опыт (*чья-то неудача*) транспонировался со временем в автопроекцию (*неудавшаяся жизнь*).

В подведении некоторых итогов пройденного пути, по замечанию Ю. М. Лотмана, «возникает психологическая потребность переделать прошлое, внести в него исправления, причем пережить этот скорректированный процесс как истинную реальность» [2002, с. 707]. Если наше предположение верно, то, говоря о «скорректированной реальности», мы можем получить следующую модель: 1) Григорович соединяет в Андрееве характеристику Гоголя и биографические черты Достоевского¹⁵; 2) Достоевский прочитывает повесть Григоровича и узнает в ней себя; 3) он берет ее за основу своей импровизации¹⁶; 4) спустя годы Григорович возвращается к своему замыслу и «узнает» в ранее созданном им герое себя (см. таблицу).

Прагматика осуществленной правки в этом случае очевидна: «Неудачи» носят более локальный и скромный характер, маркируя эпизод или цепочку эпизодов в жизни человека (или совокупность ситуаций в сюжете художественного произведения [Феномен творческой неудачи, 2011; 2018; Ащеулова, 2012]). «Неудавшаяся жизнь» созвучна глобальной катастрофе, следы которой отчетливо прослеживаются в тексте «Литературных воспоминаний» и позднем эпистолярии писателя.

¹⁵ Не исключаем, что этот эксперимент был продолжен Григоровичем в романе «Проселочные дороги». Выведенный в качестве заведомо сниженных, комических персонажей автор «Непризнанной индейки» Аполлон Егорович Дрянков соединяет в своем образе черты А. А. Григорьева, Е. Э. Дрянского и собственно Ф. М. Достоевского. Узнаваемость портретных черт и нарушающие этику намеки, вероятно, были прочитаны Достоевским и нашли ответ в его романе «Село Степанчиково и его обитатели».

¹⁶ По наблюдению С. В. Белова и В. А. Туниманова, «он и сочиняет роман, и рассказывает собственную биографию, не стирая грани, разделяющей искусство и жизнь, но и ясно давая понять, как легко переходима эта грань. Достоевский ждет от слушательницы не только чуткого, тонкого понимания, отклика, но и жизненно необходимого для себя решения (хотя давно знает о зарождающемся чувстве Анны Григорьевны!). Отрицательный ответ для него равносителен поражению, катастрофе. Простодушные записки Анны Григорьевны превосходно передают сложные душевные переживания Достоевского, эту причудливую смесь самолюбия, гордости, мнительности, неуверенности – поистине драматическое и мучительное состояние» [Белов, Туниманов, 1971, с. 7]. Объяснение, согласно которому Анна Григорьевна могла полностью выдумать этот эпизод, мы не учитываем – слишком большая ответственность была на мемуаристке во всем, что касалось личности ее покойного мужа.

Прототипы: художники, критики, писатели
 Prototypes: artists, critics, writers

Прототип	Художники	Критики и писатели
Петровский	Томаринский	Белинский
Чибезов	Брюллов	Гоголь
Борисов	Шудан	Григорович
Сидоренко	Шевченко	
Андреев	Григорович	Ф. Достоевский

Таким образом, пережитый и заимствованный опыт в его фикциональном переосмыслении позволяет увидеть параллель между литературными воспоминаниями и ранней, во многом незрелой, повестью и расширить наше представление о прототипах и технике их использования в плоскости художественного текста, а также варьированности и поливалентности их плана содержания в авторской рефлексии.

Приложение

Письмо Д. В. Григоровича А. А. Краевскому,
 1850-го года, без даты

Appendix

Letter of Dmitry Grigorovich to Andrey Kraevsky
 without date, 1850

Милостивый государь
 Андрей Александрович,

Не сердитесь на меня, если опоздал несколькими днями с повестью, виноват не я, а Зарайская почта, которая отправляется всего раз в неделю¹⁷. Согласно моему обещанию, я постарался обтесать и исправить ее так, чтобы каждая ее строчка входила по возможности плотнее в пазы нашей цензуры. Разумеется, повесть сильно от этого пострадала, да делать было нечего; из двух зол одно: пусть лучше окривеет родное детище, чем вовсе умрет!¹⁸ Главная мысль, заключавшаяся в том, что часто на поприще искусства молодые люди с замечательным талантом пропадают от недостатка средств и поощрения, сохранилась теперь в полусвете. Оговорка в конце о благотворительном обществе поощрения художников и отдаленное время, в которое происходит действие, т. е. первый год появления Брюллова

¹⁷ Жалобы на Зарайскую почту, равно как и на разливание рек – Оки и Смедвы – составляет лейтмотив писем Григоровича к Краевскому [Вокруг романа «Проселочные дороги»..., 2022].

¹⁸ В письмах Григоровича такое сравнение частотно: «Скажите же хоть одно слово о том, как действует цензура в отношении к моему *детищу*? Соображаясь с этими действиями, я буду знать, по крайней мере, как поступать в четвертой части» (ОР РНБ. Ф. 391. Ед. хр. 300). Не исключаем, что использование этой идиомы обусловлено влиянием стиля Чарльза Диккенса.

в Петербурге, – скажут всё. Если цензор¹⁹ запнется, укажите ему, пожалуйста, на эти два пункта. Любовная интрига (т. е. нравственное направление) разбавлена водою, точно так же как постоянный стыд героя за подлое и гнусное семейство, – чувство, которое было проведено прежде во всей повести. Теперь другой вопрос: буде повесть придется вам собственно не по вкусу, – возвратите ее мне, как можно скорее, – у меня есть для нее место²⁰, – а я взамен пришлю вам другие. Впрочем, вы должны знать, что я лишен – благодаря Богу, щекотливого авторского самолюбьишка, и потому можете черкать и мараить, что найдете нужным. В повести, по моему расчету, 7 листов, я вам должен 316 целковых, – останется, следовательно, после печати за вами: 119 руб<лей> ассигнациями, или около (считаю по 50 целковых с листа, также получаю в «Современнике»).

У меня, против этого, будет к вам, Андрей Александрович, большая просьба, – вот в чем дело: мне представляется случай ехать в Нижний на ярмарку, – хочется очень, – а денег ни гроша (как водится). Сделайте милость, пришлите мне полтора целковых (совестно, да ей Богу, некого просить); Погодин додаст мне остальные 500 целковых после допечатания полного собрания сочинений, т. е. не раньше декабря²¹). Благодарить вас буду страшно! Кроме этого, я решительно проведу, выключая нижегородскую поездку, до будущей весны в деревне, работать буду, следовательно, много, – и это ручается вам, что поквитаюсь со всем в скором времени. Прошу вас еще раз: пожалуйста, исполните мою просьбу как можно скорее. И пятьсот рублей – Бог знает что, вы легко можете отдать, а я легко могу их заработать, – что сделаю с большим удовольствием. Обещаю, что впредь не буду утруждать такими просьбами. Если приведется случай, и он не забудется – замолвите словечко в редакции о присылке мне «Отечественных записок», я их не получаю. Жду Достоевского²², как Мессию. Он сказал мне, что будет к себе в деревню поспешным, и деревенского пути тут 20 верст от меня.

Прощайте, Андрей Александрович, будьте здоровы, и не забывайте всегда готового услужить

Д. Григоровича

Адрес: Рязанской Губернии, Город Зарайск в село Дулебино.

Дм<итрий>. Вас<ильевич> Григор<ович>.

Список литературы

Акимова Н. Н. Художник в русской беллетристике эпохи романтизма // Научные труды. 2015. № 35. С. 118–138.

Ащеулова И. В. Феномен творческой неудачи / Под общ. ред. [и с предисл.] А. В. Подчиненова и Т. А. Снигиревой. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2011 // Сибирский филологический журнал. 2012. № 4. С. 227–231.

¹⁹ Цензор Санкт-петербургского цензурного комитета А. И. Фрейганг.

²⁰ Вероятно, на страницах «Современника».

²¹ М. П. Погодин отказался от этого проекта, который остался в 1850-е гг. нереализованным.

²² После ареста брата М. М. Достоевский, продолживший сотрудничество с А. А. Краевским, поддерживал общение с некоторыми беллетристами, в частности, с Д. В. Григоровичем. В одном из писем, например, он просит своего собеседника навестить его и «взять серебряных ложек», – что красноречиво свидетельствует о приятельских отношениях двух литераторов (см.: ОР РНБ. Ф. 222. Ед. хр. 8).

- Белов С. В., Туниманов В. А. А. Г. Достоевская и ее воспоминания // Достоевская А. Г. Воспоминания. М.: Худож. лит., 1971. С. 7–31.
- Бодрова А. С. Издательская экономика А. А. Краевского в конце 1850-х – начале 1860-х годов // Складчина: Сб. ст. к 50-летию профессора М. С. Макеева. М., 2019. С. 27–51.
- Богодерова А. А. Сюжетная ситуация ухода в русской литературе второй половины XIX века: Дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2011. 278 с.
- Винокур Г. О. Биография и культура. Русское сценическое произношение. М.: Русские словари, 1997. 174 с.
- Волошина С. М. Некрасов и Краевский: редакторская политика и коммерция // «Разумное, доброе, вечное...»: проблемы производства, сохранения и распространения культуры в России от некрасовской эпохи до современности (усадьба, литература, музей). Ярославль, 2017. С. 21–26.
- Дмитренко С. Беллетристика породила классику (к проблеме интерпретации литературных произведений) // Вопросы литературы. 2002. № 5. С. 75–102.
- Зенкин С. Н. Натурщица и шедевр (Бальзак и его продолжатели) // Studia Litterarum. 2018. Т. 3, № 1. С. 10–57. DOI 10.22455/2500-4247-2018-3-1-10-57
- Евгеньев-Максимов В. Е. «Современник» в 40–50-е годы. Л., 1934.
- Киселева Л. Н. Роман как возможная / идеальная модель автобиографии // Семиотика поведения и литературные стратегии: Лотмановские чтения – XXII. М., 2014. С. 240–255.
- Козлов А. Е. «Двойник» Ф. М. Достоевского и «Двойник» Н. Д. Ахшарумова: к вопросу о лингвостилевой организации вторичного текста // Сибирский филологический журнал. 2017. № 1. С. 36–45. DOI 10.17223/18137083/58/4
- Лотман Ю. М. История и типология русской культуры. СПб.: Искусство, 2002. 768 с.
- Макеев М. Николай Некрасов: поэт и предприниматель (очерки о взаимодействии литературы и экономики). М., 2009. 236 с.
- Мещеряков В. П. Григорович: писатель и искусствовед. М., 1985. 169 с.
- Печерская Т. И., Никанорова Е. К. Сюжеты и мотивы русской классической литературы: Учеб. пособие. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2010. 162 с.
- Пономарева А. А. Литературные сюжетные коды в беллетристике 1850-х годов: Дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2017. 260 с.
- Проскурина В. Ю. Литературная позиция журнала «Современник»: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1985. 308 с.
- Степина М. Ю. К атрибуции «Рассказов о житейских глупостях» в некрасовском «Современнике» // Русская литература. 1995. № 2. С. 153–162.
- Феномен творческой неудачи / Под ред. А. В. Подчиненова, Т. А. Снигиревой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2018. 484 с.
- Феномен творческой неудачи / Под ред. А. В. Подчиненова, Т. А. Снигиревой. Екатеринбург: Изд-во УрФУ, 2011. 423 с.
- Brunson M. Russian Realisms: Literature and Painting, 1840–1890. DeKalb: Northern Illinois Uni. Press, 2016. 282 p.

Список источников

Вокруг романа «Проселочные дороги»: переписка Д. В. Григоровича и А. А. Краевского 1850–1852 годов // Русская литература. 2022. № 1. DOI 10.31860/0131-6095-2022-2-

Григорovich Д. В. Литературные воспоминания / Под ред. Г. Г. Елизаветиной. М.: Художественная литература, 1987. 333 с.

Григорovich Д. В. Неудачи // Отечественные записки. 1850. № 9. С. 1–171.

Достоевская А. Г. Воспоминания. М.: Худож. лит., 1971.

[Дружинин А. В.] Письма иногороднего подписчика в редакцию «Современника» о русской журналистике // Современник. 1850. № 10. С. 198–225.

ОР РНБ. Ф. 222. Ед. хр. 8. Письмо М. М. Достоевского Д. В. Григоровичу – 1 июля 1850-го года; Ед. хр. 14. Письмо М. П. Погодина Д. В. Григоровичу – сентябрь 1851-го года; Ф. 391. Ед. хр. 300. Письмо Д. В. Григоровича А. А. Краевскому – без даты 1850-го года; Письмо Д. В. Григоровича А. А. Краевскому – 28 апреля 1852-го года; Письмо Д. В. Григоровича А. А. Краевскому – без даты 1856-го года.

Письма русских писателей к А. С. Суворину. Материалы по истории русской науки, литературы и общественности. Л.: Изд-во ГПБ, 1927.

Эдельсон Е. Н. «Отечественные записки» в 1850 году // Москвитянин. 1851. № 1. С. 129–145.

References

Akimova N. N. Khudozhnik v russkoy belletristike epokhi romantizma [The artist in Russian fiction of the era of romanticism]. *Nauchnye trudy SWorld*. 2015, no. 35, pp. 118–138.

Ashcheulova I. V. *Fenomen tvorcheskoy neudachi* [The phenomenon of creative failure. A. V. Podchinenov and T. A. Snigireva (Eds.). Yekaterinburg, UrFU Publ., 2011, 424 p.]. *Siberian Journal of Philology*. 2012, no. 4, pp. 227–231.

Belov S. V., Tunimanov V. A. A. G. Dostoevskaya i ee vospominaniya [Anna Dostoevskaya and her memoirs]. In: Dostoevskaya A. G. *Vospominaniya* [Memoirs]. Moscow, Khudozh. lit., 1971, pp. 7–31.

Bodrova A. S. Izdatel'skaya ekonomika A. A. Kraevskogo v kontse 1850-kh – nachale 1860-kh godov [Publishing economy of A. A. Kraevsky in the late 1850s – early 1860s]. In: *Skladchina: Sb. st. k 50-letiyu professora M. S. Makeeva* [Skladchina: Coll. art. to the 50th anniversary of Professor M. S. Makeev]. Moscow, 2019, pp. 27–51.

Bogoderova A. A. *Syuzhetnaya situatsiya ukhoda v russkoy literature vtoroy poloviny XIX veka* [The plot situation of departure in Russian literature of the second half of the 19th century]. Cand. philol. sci. diss. Novosibirsk, 2011.

Brunson M. *Russian Realisms: Literature and Painting, 1840–1890*. DeKalb, Northern Illinois Uni. Press, 2016, 282 p.

Dmitrenko S. Belletristika porodila klassiku (k probleme interpretatsii literaturnykh proizvedeniy) [Fiction gave birth to the classics (to the problem of interpreting literary works)]. *Voprosy literatury*. 2002, no. 5, pp. 75–102.

Evgen'ev-Maksimov V. E. “Sovremennik” v 40–50-e gody “Sovremennik” in the 40–50s]. *Leninigrad*, 1934.

Fenomen tvorcheskoy neudachi [The Phenomenon of Creative Failure]. A. V. Podchinenov, T. A. Snigireva (Eds.). 2nd ed. rev. and suppl. Moscow, Yurayt, 2018, 484 p.

Fenomen tvorcheskoy neudachi [The Phenomenon of Creative Failure]. A. V. Podchinenov, T. A. Snigireva (Eds.). Yekaterinburg, UrFU Publ., 2011, 424 p.

Kiseleva L. N. Roman kak vozmozhnaya / ideal'naya model' avtobiografii [The novel as a possible / ideal model of autobiography]. In: *Semiotika povedeniya i litera-*

turnye strategii: Lotmanovskie chteniya – XXII [Semiotics of behavior and literary strategies: Lotman readings – XXII]. Moscow, 2017, pp. 240–255.

Kozlov A. E. “Dvoynik” F. M. Dostoevskogo i “Dvoynik” N. D. Akhsharumova: k voprosu o lingvostilevoy organizatsii vtorichnogo teksta “Double” by F. M. Dostoevsky and “Double” by N. D. Akhsharumov: To the question of the linguistic and stylistic organization of the secondary text]. *Siberian Journal of Philology*. 2017, pp. 36–45, no. 1. DOI 10.17223/18137083/58/4

Lotman Yu. M. *Istoriya i tipologiya russkoy kul'tury* [History and typology of Russian culture]. St. Petersburg, Iskustvo, 2002, 768 p.

Makeev M. *Nikolay Nekrasov: poet i predprinimatel' (ocherki o vzaimodeystvii literatury i ekonomiki)* [Nikolay Nekrasov: Poet and Entrepreneur (Essays on the Interaction of Literature and Economics)]. Moscow, 2009, 236 p.

Meshcheryakov V. P. *Grigorovich: pisatel' i iskusstvoved* [Grigorovich: writer and art critic]. Moscow, 1985, 169 p.

Pecherskaya T. I., Nikanorova E. K. *Syuzhety i motivy russkoy klassicheskoy literatury: Ucheb. posobie* [Plots and motifs of Russian classical literature: Textbook]. Novosibirsk, 2010.

Ponomareva A. A. *Literaturnye syuzhetnye kody v belletristike 1850-kh godov* [Literary plot codes in fiction of the 1850s]. Cand. philol. sci. diss. Novosibirsk, 2017.

Proskurina V. Yu. *Literaturnaya pozitsiya zhurnala “Sovremennik”* [Literary position of the journal “Sovremennik”]. Cand. philol. sci. diss. Moscow, 1985, 308 p.

Stepina M. Yu. K atributsii “Rasskazov o zhyteyskikh glupostyakh” v nekrasovskom “Sovremennike” [On the attribution of “Stories about everyday nonsense” in Nekrasov’s “Sovremennik”]. *Russkaya Literatura*. 1995, no. 2, pp. 153–162.

Vinokur G. O. *Biografiya i kul'tura. Russkoe stsenicheskoe proiznoshenie* [Biography and culture. Russian stage pronunciation]. Moscow, Russkie slovari, 1997, 174 p.

Voloshina S. M. Nekrasov i Kraevskiy: redaktorskaya politika i kommersiya [Nekrasov and Kraevsky: editorial policy and commerce]. In: “Razumnoe, dobroe, vechnoe...”: problemy proizvodstva, sokhraneniya i rasprostraneniya kul'tury v Rossii ot nekrasovskoy epokhi do sovremennosti (usad'ba, literatura, muzey) [“Reasonable, good, eternal...”: problems of production, preservation and distribution of culture in Russia from the Nekrasov era to the present (manor, literature, museum)]. Yaroslavl, 2017, pp. 21–26.

Zenkin S. N. Naturshchitsa i shedevr (Bal'zak i ego prodolzhateli) [Model and masterpiece (Balzac and his followers)]. *Studia Litterarum*. 2018, vol. 3, no. 1, pp. 10–57. DOI 10.22455/2500-4247-2018-3-1-10-57

List of sources

Grigorovich D. V. *Literaturnye vospominaniya* [Literary memoirs] G. G. Elizavetina (Ed.). Moscow, Khud. lit., 1987, 333 p.

Grigorovich D. V. Neudachi [Failures]. *Otechestvennye zapiski*. 1850, no. 9, pp. 1–171.

Dostoevskaya A. G. *Vospominaniya* [Memories]. Moscow, Khud. lit., 1971.

Druzhinin A. V. Pis'ma inogorodnego podpischika v redaktsiyu “Sovremennika” o russkoy zhurnalistike [Letters of a nonresident subscriber to the editorial board of *Sovremennik* about Russian journalism]. *Sovremennik*. 1850, no. 10, pp. 198–225.

Edelson E. N. “Otechestvennye zapiski” v 1850 godu. *Moskvityanin*. 1851, no. 1, pp. 129–145.

National Library of Russia. Manuscripts Department. Fund 222. Item number 8. Pis'mo M. M. Dostoevskogo D. V. Grigorovichu. 1 iyulya 1850-go goda [Letter from M. M. Dostoevsky to D. V. Grigorovich. July 1, 1850]; Item number 14. Pis'mo M. P. Pogodina D. V. Grigorovichu. sentyabr' 1851-go goda [Letter from M. P. Pogodin to D. V. Grigorovich. September 1851]; Fund 391. Item number 300. Pis'mo D. V. Grigorovicha A. A. Kraevskomu, bez daty 1850-go goda [Letter from D. Grigorovich to A. A. Kraevsky, undated 1850]; Pis'mo D. V. Grigorovicha A. A. Kraevskomu. 28 aprelya 1852-go goda [Letter from D. V. Grigorovich to A. A. Kraevsky. 28 April 1852]; Pis'mo D. V. Grigorovicha A. A. Kraevskomu, bez daty 1856-go goda [Letter of D. V. Grigorovich to A. A. Kraevsky, undated 1856].

Pis'ma russkikh pisateley k A. S. Suvorinu. Materialy po istorii russkoy nauki, literatury i obshchestvennosti [Letters of Russian writers to A. S. Suvorin. Materials on the history of Russian science, literature and society]. Leningrad, Izd. GPB, 1927.

Vokrug romana "Proselochnye dorogi": perepiska D. V. Grigorovicha i A. A. Kraevskogo 1850–1852 godov [Around the novel "Country Roads": correspondence of D. V. Grigorovich and A. A. Kraevsky in 1850–1852]. *Russkaya Literatura*. 2022, no. 1. DOI 10.31860/ 0131-6095-2022-2

Информация об авторе

Алексей Евгеньевич Козлов, кандидат филологических наук

Information about author

Alexey E. Kozlov, Candidate of Philology

Статья поступила в редакцию 13.09.2021;

одобрена после рецензирования 15.11.2021; принята к публикации 15.11.2021

The article was submitted 13.09.2021;

approved after reviewing 15.11.2021; accepted for publication 15.11.2021